

Fedotova P. I.*Candidate of philosophy,
an independent researcher,
Saint-Petersburg***VARANGIAN NAMES: FROM MYTHS TO REALITY****Федотова Полина Игоревна***кандидат философских наук,
независимый исследователь,
г. Санкт-Петербург***ВАРЯЖСКИЕ ИМЕНА: ОТ МИФОВ К ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ**

Annotation. The article proves the fallacy of the generally accepted opinion about the presence of many Varangian names in Russian Chronicles. This is an old misconception based on unproven identification of two different ethnic groups – the Varangians and the Rus, which allows historians to put an equal sign between the Russian and Varangian names and to substitute the Varangian names Russian names of the Russian-Byzantine treaties of the X century. In fact, only nine Varangian names are reliably known from medieval written sources. Three of which belong to the Christian tradition, and four belong to fictional characters. The author defends the Celtic affiliation of Varangian names.

Аннотация. В статье показана ошибочность общепринятого мнения о наличии множества варяжских имен в русских летописях. Это старое заблуждение основано на бездоказательном отождествлении двух разных этнических групп – варягов и руси, что позволяет ставить знак равенства между русскими и варяжскими именами и подменять варяжские имена русским именованьем из русско-византийских договоров X века. В действительности, из средневековых письменных источников достоверно известны лишь девять варяжских имен, три из которых относятся к христианской традиции, а четыре принадлежат вымышленным персонажам. Автор отстаивает кельтскую принадлежность варяжских имен.

Key words. *Varangian-russian question, Varangian and Russian onomastics, Celtic etymology of Varangian names.*

Ключевые слова. *Варяго-русский вопрос, варяжская и русская ономастика, кельтская этимология варяжских имен.*

Старая ошибка.

Предваряя новую попытку разобраться в вопросе о варяжских именах, необходимо пояснить, что заставляет вновь обращаться к этой, казалось бы, столь исхоженной теме, и что следует понимать под *варяжскими* именами? Обращаться к этой теме заставляет неверная постановка вопроса о варягах, а именно, давнее и глубоко ошибочное убеждение в тождестве варягов и руси. Под влиянием этого убеждения под пером ученых-историков возник сугубо кабинетный термин – «варяжская русь». В то время как сами древнерусские источники – и нарративные, и документальные – термина *варяжская русь* (или *варяго-русь*) не содержат. Они знают либо варягов, либо русь. Даже в тех списках Начальной летописи, где мы сталкиваемся с попыткой представить эти две различные этнические группы в качестве одного народа, мы не находим никакого *общего для них слова*.

При этом сама летописная концепция о тождестве варягов и руси – позднего происхождения. Она появляется только в поздних вариантах Повести временных лет, известных по летописям XV в.: Ипатьевской, Радзивиловской, Новгородской первой младшего извода. Тогда как первые известные тексты, содержащие «варяжскую легенду» (в составе русской переделки краткого

Летописца патриарха Никифора), отделяют русь от варягов, называя ее среди племен, приглашавших варяжских князей. Эта первая по времени версия варяжской легенды дошла до нас в составе церковных памятников конца XIII – XIV вв.: двух Кормчих книг и Толкования Никиты Ираклейского на Слова Григория Богослова.

Во всех трех самых ранних дошедших до нас памятниках с варяжской легендой строго выдержана одна и та же версия событий. В Новгородском и Варсонофьевском списках Летописца сказано: «придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи к Варягомъ, реша: земля наша велика...» [29, с. 238]. В другом варианте Летописца (в составе Толкований на Слова Григория Богослова) имеется сходная запись: «придоша к Варягам Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и рекоша им...» [40, с. 206 – 207, прим. 1]. Это единообразие выдает первоначальный вариант варяжской легенды, в котором еще не было отождествления руси с варягами. Наоборот, русь числилась среди племен, приглашавших варяжских князей.

Однако когда варяжскую версию начала русской государственности соединили с текстом Киевской летописи, обнаружили вопиющие неувязки. В киевской летописи не было варяжских князей – только русские, и ничего не говорилось о «Варяжской» земле – только о Русской. Нужно

было как-то заглушать возникшее противоречие. С этой целью редакторы Лаврентьевской летописи (она составлялась под руководством суздальского епископа Дионисия) догадались объявить варягов русью. Так родилась знаменитая фраза: «придоша к варягом, руси». Однако эта декларация оказалась пустым звуком, так как эта псевдорусь «называла себя варягами» («сице бо ся звахуть и варязи суть» – «ибо называли они себя варягами»), к которым русь и приходила [22, ст. 19].

В качестве «работы над ошибками» появилась вторая редакция – в Троицкой (1408 г.) и Ипатьевской (ок. 1425 г.) летописях. Тут швы соединения этого информационного вброса уже несколько сгладились: «придоша к варягам, руси, сице бо звахуся тьи варязи русь» («пришли к варягам, руси, ибо звались те варяги русь»). Но, по недосмотру редакторов, эта варяго-русь все равно приглашала саму себя: «реша русь, чюдь, словени и кривичи» («сказала русь» и прочие, обращаясь к варягам-руси). Поэтому потребовалась дальнейшая работа по редактированию текста, отразившаяся в Радзивиловской летописи (конец XV в.): «кидоша за море к варягомъ руси, сице бо тии звахуся варязи русь... Реша руси чюдь, и словени, и кривичи, и вси...» [35, с. 16]. Здесь слово *русь* поставлено не в именительном, а в дательном падеже, так что обращалась уже не русь, а обращались к руси. Таким образом, только к концу XV в. наконец-то была счастливо найдена непротиворечивая формула приглашения князей, окончательно слившая воедино варяжскую и русскую историографические концепции. Как видим, процесс этого средневекового творчества был довольно длительным. Средневековым монахам потребовалось сто лет, чтобы осознать противоречие варяжской и русской версии, и еще сто лет, чтобы загладить наиболее очевидные швы сшивки двух разнородных историографических концепций.

За возникший в результате этих манипуляций этнический монстр ухватились многие ученые-историки, игнорируя тот факт, что летописная концепция варяго-руси ограничивается кругом летописей XV – XVI вв.¹ Более того. К летописному фальсификату «варяжской руси» был добавлен новый, на этот раз ученый, фальсификат, который отождествлял «варяго-русь» либо со славянами, либо со скандинавами. В итоге получился тройной

конструкт: в виде варяго-руси-славян либо варяго-руси-норманнов, в зависимости от предпочтений конкретного историка. Такая ситуация сохраняется в науке до сих пор, хотя эта чудовищная по нелепости этническая конструкция не раз подвергалась критике со стороны здравомыслящих ученых. Они указывали, что такое отождествление находится в вопиющем противоречии с содержанием русских летописей, в которых варяги, русь, различные славянские (поляне, древляне, словене, кривичи, северяне и т. д.) и скандинавские (свеи, урмане и гёты) племена неизменно выступают как *разные этнические группы*.²

Таким образом, и содержание русских летописей, и источники конца XIII – XIV вв. показывают, что не только в древнекиевской летописи, но и в первоначальной версии варяжской легенды *никакого отождествления варягов и руси не было*. Оно было внесено позднее, в XV в., когда редакторы текста смогли наконец осознать очевидную неувязку между варяжской и русской версиями происхождения древнерусской государственности. Чтобы сгладить противоречие, возникшее в результате внедрения в текст древнекиевской летописи варяжского фальсификата, редакторы летописей XV в. отождествили варягов и русь, превратив их в один народ. За этой выдумкой следует большинство современных историков, независимо от принадлежности к норманистскому или антинорманистскому лагерю.

Варяжские – не значит русские.

Под властью летописно-ученого фальсификата о «варяго-руси» оказался и вопрос о варяжских именах. Анализ варяжского именослова шел по ложному пути отождествления «руських» (т. е. принадлежащих руси) и варяжских имен. Позиции норманистов и антинорманистов в данном пункте неотличимы друг от друга. Показателен в этом отношении пример С. А. Геденова и А. Г. Кузьмина. В своих подробных лингвистических анализах якобы «варяжского» именослова они лишь вскользь касаются собственно варяжских имен. Главное внимание они уделяют именам из русско-византийских договоров, то есть именослову дунайской руси, а не варягов. При этом часть собственно варяжских имен вообще оказывается за рамками рассмотрения. В обширной главе своей монографии о начале Руси (2003),

¹ В основных летописных сводах XVI в. – Воскресенской и Никоновской летописях – русь из числа приглашавших варягов племен исчезает, а сам текст варяжской легенды приобретает отчетливо проновгородский характер. В Воскресенской летописи к варягам в Прусскую землю посылают новгородцы по совету своего старейшины Гостомысла. В числе приглашавших племен остаются чюдь, словене и кривичи: «Реша Чюдь, Словене, Кривичи Варягомъ...» [2, с. 268]. В Никоновской летописи на первом плане оказываются новгородские славяне: «приидоша словени рекше новгородци, и мера, и кривичи варягом реша: земля наша велика и обильна» [30, с. 9]. Фразы о том, что приглашенные «варязи звухуся Русью», сохраняются.

² На это обстоятельство обращали внимание еще представители «скептической школы» XIX в.: М. Т. Каченовский и его ученики С. М. Строев, М. Перемышлевский, О. М. Бодянский. О том, что летопись отличает русь от варягов, писали Д. И. Иловайский и Н. И. Костомаров. С. А. Геденов прямо называл «небывалую варяжскую русь» «изобретением» летописца, а их отождествление – «примысленной гипотезой». Даже норманист А. А. Шахматов относил упорное желание доказать тождество руси и варягов к «ученым мудрствованиям» летописца. Более подробно об историографии вопроса и этнической картине русских летописей см.: [43, с. 139 – 152].

посвященной именам социальной верхушки древнерусского общества, А. Кузьмин не дает анализа ряда варяжских имен (Якун, Африкан, Фрианд, Шимон) [20, с. 250 – 265; 19, с. 168 – 236]. Это и понятно: известный по источникам материал не дает оснований относить варягов к социальной верхушке древнерусского общества. Верхушкой была русь, а не варяги.

Однако главная проблема заключается даже не в том, что под вывеской «варяжских» фигурируют имена дунайской и днепровской руси. К существенным ошибкам эта подмена не ведет, поскольку варяги и русь – этнические группы родственного происхождения. Гораздо важнее, что попытки определить семантику и происхождение этих имен укладываются в прокрустово ложе двух альтернатив: скандинавской и славянской. Именно эти одинаково ложные альтернативы окончательно заводят проблему в тупик.

С одной стороны, очевидно, что имена Рюрик, Синеус и Трувор, равно как Якун, Африкан, Шимон, Фрианд и Ждберн – не славянское происхождения. В славянских языках они, говоря словами М. В. Ломоносова, не имеют «никакого знаменования». Однако из того, что эти имена неславянские, еще не следует, что они скандинавские. На территории Европы обитали и другие народы, которые долгое время выпадали из поля зрения исследователей.

За все время существования «варяжского вопроса» единственным, кто бросил вызов этой застойной тенденции славяно-скандинавских этимологий, был московский историк А. Г. Кузьмин, который в своей статье «Об этнической природе варягов» (1974) приоткрыл завесу тайны, которую одинаково стремятся скрыть противоборствующие стороны. Он показал, что значительная часть русских и варяжских имен имеет *кельтское происхождение*. Статья Кузьмина стала революционным прорывом в нашей исторической науке. Однако его новаторская и продуктивная идея осталась без продолжения. Даже сам А. Г. Кузьмин так окончательно и не определился в этом вопросе, то отстаивая позицию Герберштейна – Ломоносова – Каченовского – Забелина (варяги – это балтийские славяне), то

пытаясь доказать тезис об «интернациональном» составе «варяго-русских» дружин. Не получила поддержки кельтская версия и у ближайших учеников и единомышленников А. Г. Кузьмина. Они остались на позициях «славянолюбов» XIX в.³ Их противники норманисты, отделяясь от аргументов Кузьмина лишь «аргументом к личности» («не специалист»), без конца повторяют взгляды Куника-Томсена о Сигниотрах-Торвардрах, усложняя и усугубляя старые догмы терминологией современной лингвистической науки.⁴ Таким образом, в вопросе о происхождении варяжских имен российская историческая наука концептуально так и не вышла за рамки XIX столетия. XXI век не принес в этом отношении ничего нового. Общей платформой обоих лагерей остается отождествление варягов и руси, чего не избежал и А. Г. Кузьмин.

Поэтому, приступая к анализу варяжского именователя, прежде всего, необходимо провести четкую разграничительную линию между именами варягов и руси. Такие выражения, как «имена варяжских послов в Повести временных лет» недопустимы. Они являются ничем иным, как *историческим подлогом*. В Начальной летописи нет ни одного «варяжского посла». В трех русско-византийских договорах, помещенных в ПВЛ: Олега (912), Игоря (945) и Святослава (971) – речь идет исключительно о *русских* послах, *русских* князьях, *русских* гостях, ладьях, челядинах и так далее. Ни в одном договоре нет ничего варяжского – ни князя, ни посла, ни купца [подробнее см.: 44, с. 173]. На основании этого *факта* Д. И. Иловайский с полным правом утверждал, что в «самых первых памятниках нашей письменности, в договорах с греками, русь ... никак не обнаруживает варяжское происхождение» [10, с. 270].

В действительности, собственно варяжских имен по русским письменным источникам известно очень немного. Это варяжский князь Якун, упоминаемый в Повести временных лет под 1024 г. как участник Ливенской битвы, а также в Сказании владимира-суздальского епископа Симона о постройке Печерской церкви (в составе Киево-Печерского Патерика, нач. XV в.). В том же

³ Иные взгляды развивают современные историки «ближнего зарубежья»: молдавский исследователь А. А. Романчук и украинский филолог, академик В. Г. Склярченко. Романчук занимает компромиссную позицию: выводя варягов из славянской Юго-Западной Балтики, он отстаивает их «смешанное» происхождение (славянизированный германо-кельтский субстрат) и германское (но не скандинавское) происхождение «варяжского» именователя [36, с. 76 – 131]. Склярченко в основном следует А. Г. Кузьмину [39, с. 60 – 75].

⁴ Основным источником словопроизводства «варяжских» имен от скандинавских остается работа датского лингвиста В. Томсена «Начало русского государства» [41, с. 120 – 130]. Многочисленные публикации норманистов на эту тему не вносят ничего принципиально нового. Все они основаны на некорректном смешении варяжских и «русских» имен,

что недопустимо с фактической стороны. Это позволяет увеличивать число «варяжских» имен на Руси до 89 [См.: 25, с. 23]. Второй постулат норманистских этимологических штудий представляет собой логическую ошибку: доказательство посредством того, что само нуждается в доказательстве. Норманисты исходят из априорно принятого тождества скандинавских и варяжских имен. Хотя только *двух фактов*: отсутствия на территории Восточной Европы скандинавской топонимики (при наличии славянской, кельтской, балтской, финской, иранской, тюркской) и появления имени руси в источниках южного происхождения (арабских и византийских) на два столетия раньше варягов, – достаточно, чтобы навсегда похоронить априорный тезис о тождестве варягов и скандинавов.

источнике фигурирует брат Якуна – варяжский князь Африкан и его сыновья, племянники Якуна, – Фрианд и Шимон. Еще один известный по имени варяг – Георгий Шимонович, сын Шимона Африкановича, воспитатель Юрия Долгорукого. О нем говорится в том же Сказании Симона [22, ст. 148; 16, с. 412/413, 450 – 454]. В Житии Особого состава князя Владимира упомянут варяг Ждъберн, с чьей помощью русскому князю удалось взять Корсунь. К этому списку можно добавить имена мифических варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора, фигурирующие в Начальной летописи. И это все. Других варяжских имен (с указанием, что они *варяжские*) в древнерусских источниках мы не встречаем.⁵

Итак, рассмотрим имена представителей княжеской варяжской семьи: Якун, Африкан, Шимон и Фрианд.

Варяжский князь Якун /Акун.

Согласно традиционной для норманизма точке зрения, имя Якун представляет собой производное от древнескандинавского Hákon, Hákon [41, с. 120; 1, с. 360; 25, с. 23; 27, с. 46]. Различное написание этого имени в древнерусских летописях (*Акун* в Лавр. и Соф. I; *Якун* в Ип. и Моск. Ак.; *Якоун* в Радз.) объясняется тем, что «формы с начальным -я являются руссифицированными, так как личных имен с начальным -а в древнерусском языке исходно не было» [45, с. 2]. Смотря что понимать под древнерусским языком. В языке руси имена с начальным -а, безусловно, были, о чем свидетельствуют *русские* имена из договоров руси с греками: Акун, Актеву, Аминд, Алвад, Адун, Адолб, Алдан, Ангивлад, Апубкаръ [22, ст. 33; 11, ст. 23; 22, ст. 46 – 47; 11, ст. 35 – 36].

У славян имена с начальным -а (а также -е, -и) произносились по-разному. Филологи выделяют две основные группы говоров: «акающие» южнорусские и «окающие» севернорусские [9, с. 29 – 31]. В Новгороде не только «окали», но еще и «якали»: Якун вместо Акун, Яминд вместо Аминд, Яким вместо Иоаким. В древнерусских письменных источниках севернорусское окающее произношение – частое явление: Олександр вместо Александр, Олекса вместо Алексей и Александр, Остафей вместо Евстафий, Елена вместо Елена, Орина вместо Ирина, Олдан вместо Алдан, Олеб вместо Улеб и т. п. [См., напр., указатель личных имен к Новгородской первой летописи: 31, с. 629].

Таким образом, Якун – это не «русифицированная», а славянизированная форма «руського» и варяжского имени Акун, характерная для новгородского диалекта.

Что касается мнения российских норманистов о происхождении имени Якун из древнескандинавского, то в отличие от них, скандинавские лингвисты считают имя Hákon

займствованием из *негерманского* языка. Так, шведский лингвист Ассар Янсен (A. Janzén) в работе «Древненорвежские личные имена» (1947) выявил не только позднее появление этого имени в Скандинавии (не ранее X в.), но и пришел к выводу о невозможности подобрать для него не только древнескандинавскую, но и убедительную древнегерманскую этимологию. Он установил, что имя Hákon попало в Норвегию из соседней Англии и широкое распространение получило после того, как стало употребляться членами королевского дома. Первым носителем этого династического имени стал норвежский король Хакон Адальстейнфустри (Hákon Adalsteinsfóstri; правил 933 – 961; род. 918/920) [6, с. 80]. В шведском именослове это имя зафиксировано с XI века, хотя и не получило столь широкого распространения, как в Норвегии [6, с. 81 – 82].

Гораздо ранее Скандинавского полуострова это имя встречается на материке. На территории кельтской Галлии оно известно еще с античных времен. Так, Юлий Цезарь в своих «Записках о галльской войне» (сер. I до н. э.) сообщает о предводителе кельтского племени сенонов Акконе (Ассо/Ассон), казненном за участие в антиримском заговоре [50. VI, 4, 44; VII, 1]. В исследовании французского филолога Марии-Терезы Морле (Marie-Thérèse Morlet), посвященном именослову на территории древней Галлии VI – XII вв., это имя выявлено в следующих формах: Acuinus (IX в.), Aquinus (IX в.), Aquinus (910 – 927), Ecquinus (927), Ecuin (1110), Equinus (1118). Французская исследовательница приводит и более ранние гипокористические формы: Ассо (735), Ессо (796), Есчо (797) [55, 22а, 22b].

Российский лингвист В. П. Нерознак, ведущий специалист по палеобалканистике, приводит иллирийские параллели к кельтскому личному имени Ассио(н) [28, с. 43]. Кельтское происхождение этого имени признавал и другой специалист в области иллирийских языков – немецкий лингвист Ханс Краэ. Приводя в «Словаре древнеиллирийских личных имен» мужское имя Ассо из Норика, он указывал, что хотя некоторые относят его к иллирийским, оно, безусловно, кельтское [54, с. 2]. Немецкий лингвист Альфред Хольдер, составитель трехтомного словаря древнекельтской ономастики (1896, 1904, 1907) приводит формы Ассо, Асониус (из галльской надписи DEO MERCURIO ACCONIUS) и Ачониус [52, с. 16, 18]. Вслед за А. Хольдером и Х. Краэ кельтскую принадлежность *Aconius/Acuinus* признавал и А. Г. Кузьмин, указывая на широкое распространение этого имени в форме Якун в Новгородской земле [19, с. 614].

Это личное кельтское имя нашло отражение и в топонимике. Так, на Певтингеровой карте (III в. н.

⁵ Об Аскольде и Дире в Лаврентьевской летописи четко сказано, что они были не «племени» Рюрика и не его боярами, то есть *не варягами*: «И бяста у него 2 мужа, не племени его, ни боярина» [22, ст. 20]. Более поздняя Ипатьевская летопись делает Аскольда и Дира уже

боярами Рюрика: «не племени его, но боярина» [11, ст. 15]. Варягами, независимо от Рюрика пришедшими в Киев, они становятся лишь в Новгородской Первой летописи младшего извода XV в. [31, с. 106].

э.) присутствует крепость *Acunum*, которую отождествляют с *Ἀκουσιῶν κολωνία* «Географии» Птолемея (сер. II в. н. э.). Колонию Акусион Птолемей помещает в Нарбонской Галлии на р. Родан (ныне Рона) [56. II, 10. 8.]. В настоящее время это городок *Asconne* в южной Франции [61; 62]. Как видим, и топонимы указывают на кельтский регион бытования этого имени.

Таким образом, имя *Acco/Ecco*, *Accion/Ecuin*, *Aquinus/Equinus* еще с древности имело широкое распространение в кельтских областях.⁶ Не чуждо оно и римскому именованию (в форме *Aquinus*). Позднее оно было заимствовано германцами: сначала датчанами, затем англами, от них – норвежцами и шведами в германизованных формах *Haquinus*, *Hakon* [6, с. 88].

Учитывая повсеместное распространение этого имени в кельтском мире (Галлия, Подунавье, Балканы), нет никакой необходимости приводить его на Русь из Скандинавии. Восточная граница латенской культуры достигала Богемии, Южной Польши и Галиции, доходя до Правобережья Днепра, а кельтское присутствие в области среднего и нижнего Дуная хорошо прослеживается с IV – III в. до н. э.; примерно с этого времени археологи датируют начало славяно-кельтского симбиоза [38, с. 79 – 95; 24, с. 31 – 41; 7, с. 66 – 69; 33, с. 19]. В Восточной Прибалтике кельты фиксируются с начала нашей эры [48, с. 25 – 28]. Ни балтийским варягам, ни дунайско-черноморской руси, ни кельто-славянскому населению Южной Балтики не было нужды откуда-то со стороны заимствовать это исконно кельтское имя. Оно зафиксировано в кельтской среде еще с античных времен – в отличие от Скандинавии, где оно появилось только в начале X в. Лишь догматическая зашоренность российской исторической науки мешает признать его кельтское происхождение.

Не только норманисты, но и их противники, выйдя на «кельтский след», стремятся увести исследование в сторону. Например, Л. П. Грот, блестяще разбив аргументы оппонентов и придя к заключению, что носители германских языков заимствовали имя *Aquinus* у галло-римской знати, вдруг начинает искать этимологию этого имени... в германских языках! От германского *hanha* («конь») тянется, по ее мнению, ниточка к «древнейшему слою индоевропейского именователя», к древнеиндийским формам *Aśvas*, *Aśvaratis*, где компонент *aśva* (ашва) обозначает «лошадь» [6, с. 88]. Если такая ниточка и тянется, то в данном случае не от германского *hanha*, а от кельтского *ech*

– «конь», а от него к и.-е. **ekuos* – «конь» (ср.: латин. *equus*) [14, с. 22; 23, с. 27],⁷ которые намного ближе к кельтским (а не германским) именам *Escho/Esquinus/Aconius/Acun*.

Таким образом, Якун – новгородско-славянская огласовка широко распространенного в кельтском мире имени Акун (со значением «конь»).

Князь Африкан и его сыновья.

Проблема происхождения варяжских имен, упомянутых в Киево-Печерском патерике (точнее, в Сказании о строительстве Печерской церкви): Якун, Африкан, Фрианд и Шимон, – стала предметом специальной статьи Ф. А. Брауна (1902). Априорно убежденный в их скандинавском происхождении («едва ли может подлежать сомнению, что Якун и Африкан – шведы»), Браун пытался подыскать им скандинавские параллели. Однако он встретил большие затруднения, особенно в случае с Шимоном и Фриандом. Христианское имя Симон в скандинавских языках произносилось с чистым «с». Объяснить появление звука «ш» в этом имени Браун так и не смог. Не удалось ему отыскать на скандинавской почве и корни имени Фрианд. Он вынужден был признать его не личным именем, а «нарицательным» (в значении «родич» – *fraendi*), очередным «плодом недоразумения». Впрочем, он сам признавал такое объяснение не вполне удовлетворительным. Скандинавским Браун считал и имя Африкан, указывая, что имя Афрека (*Afresca*) носила жена оркнейского ярла XII в. Харальда Маддадарсона (*Harald Maddadarson*) [1, с. 359 – 365].

С Ф. А. Брауном можно согласиться только в том, что Шимон – имя христианского происхождения, что согласуется с рассказом епископа Симона о христианском вероисповедании варяга Шимона и его отца Африкана [16, с. 414/415]. Из христианской традиции почерпнуто и имя Африкан. Оба имени широко представлены в христианском именовании, хотя имеют разное этническое происхождение. Шимон (Симон) – еврейское имя (со значением «богом услышанный»), которое носил целый ряд библейских персонажей, а также два апостола Иисуса Христа – Симон Петр и Симон Канаит. Африкан – римское имя-прозвище (значение «африканский»), аналогичное именам Британик, Германик, Ливий.⁸ В православной традиции это имя носило трое святых и мучеников, из которых самый известный – Африкан Петрийский (сер. III в.), воин-христианин, пострадавший вместе со своими товарищами в гонение императора Деция. Память святых и мучеников с именем Африкан

⁶ Варианты *Acco/Ecco* – уменьшительные. Окончание *-ius/-us* в кельтских языках означало сравнительную степень (от первоначальной и.-е. сравнительной степени *-jōs*) [23, с. 228 – 229]. Именное словообразование с использованием сравнительной степени было характерно для кельтского мира: *Sinius* («старший»), *Rigisamus* («августейший»), *Danuius* («река рек»), *Ilius*, *Cilius*, *Lugius* и т. п. Таким образом, Акуниус можно перевести как «лучший из коней».

⁷ Ср. также реконструируемое лингвистами для индоиранского формульное выражение **āku- *akwa-* «быстрый конь» [13, с. 69].

⁸ Известны Африкан Фабий Максим – консул Римской империи 10 г. до н. э.; Марк Пупиен Африкан – римский государственный деятель начала III в. н. э.; Секст Юлий Африкан – раннехристианский писатель начала III в. н. э., один из первых христианских историков [57].

православная церковь чтит 26 марта, 23 апреля, 3 июля и 10 ноября [58]. Католическая церковь чтит память 40 петрийских мучеников, в том числе и святого Африкануса (St. Africanus), 10 апреля.

Несмотря на явную связь имени Африкан с христианской традицией (к тому же подкрепленную рассказом патерика о христианской принадлежности Шимона и его отца), Ф. Браун обошел этот факт молчанием. Это умолчание не случайно, поскольку в христианизированной Швеции имя Африкан не получило распространения. Поэтому вывести его из Швеции на Русь через посредство варягов (шведов по его убеждению) Браун не мог. Как указывал сам ученый, из христианских имен в Скандинавии наибольшее распространение получили Андрей (Andreas), Иоанн (Ión), Павел (Páll), а также Симон (Simon) [1, с. 361 – 362]. Чтобы доказать «несомненное», по его мнению, шведское происхождение этого имени, он вынужден был игнорировать христианскую традицию его бытования. Поиски скандинавских следов Африкана привели Брауна на Оркнейские острова, которые с VIII в. стали объектом норвежской экспансии.

Скандинавомания и здесь оказала ученому медвежью услугу. Во-первых, ярл Маддадссон не был шведом, а имел смешанное кельто-норвежское происхождение (по отцовской линии он был внуком шотландского короля Дункана I). Во-вторых, его первая жена Афрека (или Аффрика) была дочерью местного лорда Фергуса Галлоуэя, чисто кельтское имя которого свидетельствует о его кельтском происхождении [60]. То есть женское имя Afresa бытовало в среде кельтской, а не скандинавской знати.

Не удалось вывести из Скандинавии и имя Шимон. Как уже было сказано, непреодолимой помехой для скандинавского транзита стала начальная «ш» в имени Шимон: в скандинавских языках оно произносилось с чистым «с». Но даже обнаружение этого факта не заставило Брауна искать правильного пути, видимо потому, что все варианты оказываются далеки от скандинавского. С начальным «ш» это имя произносилось в древнееврейском, ирландском, литовском, а также польском и венгерском языках.

На «литовский след» Шимона указывал один из старших современников Ф. А. Брауна русский историк И. Е. Забелин. По мнению Забелина, имя Шимон (вместо Симон) свидетельствует, что этот варяг прибыл из литовского поморья. В литовских говорах «с» произносилась как «ш»: река Свента – Швента, Славония – Шалавония. На север от реки Руса (нижнее течение Немана) верстах в 40 от Поневежа есть селение Шиманцы, а к югу от Поневежа – села Аскильды и Якунцы, имена, знакомые русской летописи. Якун Слепой назван у

Карамзина скандинавским витязем, но эти Якунцы очень роднят его с литвой. На территории юго-восточной Прибалтики есть и другие топонимические следы пребывания здесь каких-то Шимонов. В древней Судавии встречается селение Шимоникен (Schimonicken). Недалеко от города Шавли к востоку есть селение Шимкайцы [8, с. 184]. Объясняя произношение варяжского имени, Забелин уточняет, что неманские русы, живя по соседству с литвой, неизбежно перенимали и литовские имена. Поэтому многие так называемые норманнские имена отзываются литовским складом [8, с. 655].

К сожалению, чрезвычайно ценные наблюдения Забелина об ареале распространения географических названий, образованных от антропонимов Якун и Шимон, отягощены рядом неверных умозаключений. Во-первых, имена Якун, Африкан, Шимон – отнюдь не литовские, поэтому варяги не могли их заимствовать у литвы. Во-вторых, обилие шипящих звуков было характерно не только для балтских, но также кельтских и славянских языков. Поэтому А. Г. Кузьмин, например, указывал на западнославянские языки как на возможный источник перечеканки Симона в Шимона. Только скандинавское влияние в этой фонетической замене исключено: германские языки звука «ш» первоначально вообще не знали, а «ж» не знают до сих пор [20, с. 263]. В-третьих, Забелин допускал традиционную ошибку, отождествляя три разных этноса: русь, варягов и славян. Как и большинство антинорманистов, он выдавал никогда не существовавшую варяго-русь за южнобалтийских славян.

На широкое распространение в Юго-Восточной Прибалтике топонимики, родственной варяжскому именованию, указывал и Н. И. Костомаров. Он отмечал также бытование среди литовцев известных по летописи «варяго-русских» имен (Олег, Алдан, Веремуд, Туки, Гуды и др.), фамилии Рюриковичи. На этом основании он выдвинул «жмудскую» версию происхождения варягов – от литовского племени жемайтов (жмуди) [17, с. 5 – 32; 18, с. 274 – 276]. Вполне обоснованная гипотеза Костомарова не получила поддержки среди историков. Причина, по которой эта в целом продуктивная идея была отброшена, понятна. И сам Костомаров, и его коллеги исходили из современной этнической карты, не допуская даже мысли о существовании на территории Прибалтики иных этнических групп, кроме ныне существующих.

Учитывая, что образованные от варяжских имен топонимы присутствуют в Юго-Восточной Прибалтике, на территории Литвы и Пруссии, откуда и позднейшая летописная традиция выводила варягов, именно там и следует искать местообитание этой этнической группы.⁹ На

⁹ В одном из хронографов XVII в. (1679 г.) при изложении августинианской легенды говорится: «Бысть же у него некий ближний сродник именем Прус, ему же даст кесарь Август грады Лещкие по Висле, Марбурк и Турун и

Хвойница, и Варяжские грады Поморские, и прославный Гданеск, и ины многие грады по реке Немон впадшую в море» [5, с. 116]. Эти «Варяжские грады» в нынешнем польском Поморье не стоят одиноко в русской

Прибалтику в качестве места жительства варягов указывает и сообщение Начальной летописи о пути из Руси «по Двине в варягы, из варяг и до Рима» [22, ст. 7; 11, ст. 6]. Западная Двина, как известно, течет не в Скандинавии и не на южнобалтийском Поморье.

Таким образом, Африкан и Шимон – христианские имена, известные и западному, и восточному христианству, с негерманской огласовкой (Шимон вместо Симон). Заимствование из литовского в данном случае исключено, поскольку литовские племена в XI – XIII вв. еще оставались язычниками. Остается предполагать либо польское, либо кельтское происхождение этой фонетической формы. При этом не исключено даже прямое ирландское влияние, так как присутствие ирландских миссионеров на территории Восточной Прибалтики подтверждено документально.¹⁰ Правда, эти документированные сведения относятся уже к XIII в., но многочисленные ирландские миссии на территории Европы фиксируются с VII – VIII вв. К IX – XII вв. относится расцвет ирландских колоний в Германии и Подунавье, откуда ирландские монахи вели активную миссионерскую работу и среди славян: от Хорутании и Паннонии до Чехии, Польши и Руси [46, с. 181 – 195].¹¹ Не исключено, что какие-то ирландские миссионеры уже в начале XI в. могли проповедовать слово божье и на территории соседних с Польшей варяжских земель. (Не следует забывать, что первым польским хронистом был монах кельтского происхождения, на что указывает его имя: Мартин Галл). С лингвистической и исторической точки зрения предположение о кельтском происхождении начального *-и* в имени Шимон выглядит наиболее обоснованным. Переход начального «с» в «ш» (лениция) – явление, характерное для кельтских языков (в том числе, ирландского): река Сенон → Шеннон; слиге («дорога») → шлиге; Симон → Шимон (так это имя произносится и в современном ирландском языке). Кроме того, существующее с V в. ирландское христианство ориентировалось прежде всего на ветхозаветную традицию, в которой древнееврейское имя Шимон было широко употребительным.

Фрианд. Как уже говорилось, имя Фрианд Ф. А. Браун объяснял «недоразумением», возникшим в процессе межкультурной коммуникации. Хотя имени, сходного с Фриандом на скандинавской

почве Браун не нашел, зато слово *frændi* часто встречается в сагах в значении «племянник», «родич». Русский собеседник неправильно понял слова варяга (то есть «шведа») о том, что «Якун изгнал frianda Simon Afrecaçon, т. е. своего родича Симона, сына Африкана» и принял непонятное ему *frianda* за собственное имя брата Симона [1, с. 364 – 365]. Надо полагать, что либо говоривший по-русски «швед» не знал, как по-русски «родич», либо понимавший по-шведски русский собеседник понял все шведские слова, кроме *frianda*.

Если идти по пути, предложенному Ф. Брауном, то слово *friand* легко можно отыскать и на французской почве. Этим словом в современном французском языке называются миндальные пирожные и слоеные пирожки с начинкой; основное значение слова *friand* – «любящий полакомиться», т. е. лакомка [3, с. 411]. Таким образом, во французском языке имеется точное лингвистическое соответствие имени Фрианд («лакомка»). А на севере Португалии есть два района с названием Фрианде (*Friande*), входящие в округи Брага и Порту [59]. Кельтский ареал бытования лингвистических соответствий заставляет подозревать кельтские корни и у этого имени.

Ждьберн. Имя варяга Ждьберна известно только из поздней житийной литературы о князе Владимире. Основным источником здесь выступает Особое, или Легендарное Житие князя Владимира, сохранившееся в двух списках XVII в. Кроме того, этот персонаж фигурирует в трех списках Проложных житий князя Владимира конца XV – XVI вв. Как предполагают историки, все они восходят к одному, не дошедшему до нас источнику [47, с. 190 – 194, 314 – 315; 15].

Собственно, весь сюжет с Ждьберном относится к категории «легендарных», то есть вымышленных историй. Однако нас интересует только имя, а не достоверность сюжета. Тот, кто выдумал рассказ о решающей роли варяга во взятии Корсуня и сватовстве к византийской принцессе Анне, вряд ли мог придумать само имя. Оно было почерпнуто из реальной жизни. Имя Ждьберн имеет неустойчивое написание. Даже в одном и том же списке оно могло писаться по-разному: Жберн, Жьберн, Ижберн, Ждьберн, Ждеберн.

Мнения историков относительно происхождения этого имени разошлись – в зависимости от того, к какой этнической группе они причисляли варягов.

письменности. По соседству с Гданьском указывает «поморие Варязское» и Вольнская летопись. Упомянув о Лукерье, жене польского князя Премышлява (Пшемисла II), убитого в 1296 г., летописец уточняет, что она «бо бе рода князей сербских, с Кашуб, от помория варязского от Стараго града за Кгданском» [11. Приложения, с. 81].

¹⁰ В архиве одной из ирландских библиотек обнаружены сведения о балто-славянских землях, предоставленные ирландским миссионером, который в XIII в. проповедовал слово божье среди язычников-литовцев [37, с. 115 – 116].

¹¹ М. Шайтан отмечал, что регенсбургские монахи-ирландцы, образовавшие особую конгрегацию св. Якова, в XII в. завязали отношения с Польшей и неоднократно бывали там с посольствами германского императора. В 1089 г. аббат ирландского монастыря св. Якова совершил поездку с дипломатическими и торговыми целями из Регенсбурга в Киев [46, с. 200 – 203]. Об ирландских миссионерах в славянских землях см. также: [12, с. 43 – 72].

Норманисты видят в нем славянскую передачу скандинавского *bjorn* – «медведь». Имена с компонентом *-bern* были широко распространены в германоязычной среде. В качестве скандинавских оригиналов, искаженных при славянской передаче, предлагались *Sigbern, Sigbjorn, Ingibjorn* и тому подобные варианты [49, с. 337; 26, с. 291].

С. А. Гедеонов пытался дать славянскую этимологию Ждберна. Он рассматривал это имя как двусоставное. Первый компонент *-ждь* он выводил из славянского языка со значением «жди», «жданый». Действительно, этот компонент широко представлен в именослове западных славян: *Ždimir, Ždigod, Zdislav, Zderad, Zdebor, Zdik*. Аналогичные имена бытовали и в восточнославянском мире: *Жидослав/Жидислав, Ждан*. Второй компонент *-bern*, по мнению Гедеонова, «равно принадлежит славянской и скандинавской ономастологии» [4, с. 205]. А. Г. Кузьмин в соответствии со своим взглядом на варягов как на балтийских кельтов, давал кельтскую этимологию этого имени. Он указывал, что компонент *-bern* в кельтских языках означает «гора» в топонимах и «герой» в личных именах [20, с. 262].

Не так давно было высказано мнение, что имя Ижберн/Ждберн принадлежит к балтийским языкам и может быть интерпретировано как «zizberns» — «сосунок», «молокосос» (от литовского *ziz* – «сосать» и *berns* – «мальчик», «парень») [32, с. 102]. Автор этой версии В. Ф. Одяков под варягами понимает «пруссских воинов», намеренных новгородским князем Владимиром в Пруссии в 987 г. и после победы над Ярополком отправленных в Византию. Эта этимология не лишена основания, учитывая, что варяги действительно жили в юго-восточной Прибалтике по соседству с пруссами и литовцами. Поэтому лингвистические и ономастические заимствования от балтов к варягам и обратно не только возможны, но даже неизбежны. Правда, автор, оставаясь в рамках норманской теории и принимая рассказ о Ждберне за чистую монету, выдумывает новую захватывающую историю о приключениях этого прусского варяга. Как и его предшественники, он игнорирует тот факт, что между событиями конца X в. и первым зафиксированным упоминанием Ждберна в русских источниках (в списке Проложного сказания о Владимире, помещенного в Торжественнике конца XV в.) лежит временной промежуток в 500 (!) лет. На сегодняшний день так и не установлено ни время, ни место, ни обстоятельства создания протографа Жития Владимира Особого состава XVII в. (как не обнаружен и сам протограф). В летописных текстах, так же как и в большинстве других Житий эпизодов со Ждберном нет (притом, что вся агиографическая литература о Владимире –

позднего происхождения). До тех пор, пока не будут выяснены обстоятельства появления этого апокрифического Жития, все истории о приключениях варяга Ждберна – не более чем беспочвенное фантазирование на материале внелетописных источников конца XV – XVII вв.

Имена мифических варяжских князей.

Кельтское происхождение имен варяжских князей Рюрика, Синеуса и Трувора на большом ономастическом материале убедительно показано в работах российского историка А. Г. Кузьмина и украинского филолога, академика В. Г. Скляренко [19, с. 608 – 611; 20, с. 263 – 263; 39, с. 60 – 61].

Имя *Ruricius/Roricus* (в ирландском *Ruir/Rori*) было широко распространено в кельтских регионах Западной Европы (Франции, Ирландии, Британии, Дании).¹² *Sinaeus* («старший») – кельтское имя, имеющее многочисленные аналоги в кельтском именослове (*Sinicus, Sinicius, Sinus, Sinatos, Sinorix*) [53, 1567, 1573 – 1575]. Имя Трувор А. Г. Кузьмин возводит к старофранцузскому *trouveur* (совр. *trouvère* – трувер): «поэт, трубадур», указывая, что сходное имя *Trevor* до сих пор распространено среди потомков островных кельтов в Корнуэлле, а также в Уэльсе и Бретани [20, с. 264; 19, с. 611].

Норманисты со времен А. А. Куника и В. Томсена в качестве германского источника для Рюрика приводят готское имя *Ῥουδέρηχος (Rouderix)* и вестготское *Rodericus* [21, с. 54; 41, с. 126]. Однако такое словопроизводство, продиктованное пангерманистскими убеждениями названных авторов, вдвойне некорректно.

Во-первых, готское *Rouderix* представляет собой германское заимствование из кельтского. Сам термин *rix* – «король» (гот. *reiks*), а также *reich* («королевство, царство», впоследствии «империя») германский мир заимствовал из кельтского политического лексикона. Исконно германское **kuningaz* («вождь») означало управленческую единицу более низкого уровня: главу рода (от **kunja* – род) [14, с. 36].

У кельтов имена с обоими формантами: *roud* и *rix* представлены очень широко. На сегодняшний день является общепризнанным, что имена с компонентом *rix* принадлежали кельтскому нобилитету. В частности, известны имена галльских королей: *Ambio-rix, Boio-rix, Cingeto-rix, Vercingeto-rix, Malo-rix, Dumno-rix, Orgeto-rix* и т. п. [14, с. 42; 51, с. 245 – 249].

Не менее характерны для кельтской воинской аристократии имена с компонентом *ruad/roud* – «красный». Красный цвет имел особый статус в кельтской культуре, будучи связан, с одной стороны, с классом воинов, а с другой – с понятием о священном и божественном. Эта социально-символическая нагрузка находила выражение в соответствующей ономастике. Как указывали ведущие отечественные лингвисты-кельтологи В.

¹² М.-Т. Морле приводит следующие формы, отмеченные на территории Франции IX – XII вв.: *Rorio, Rorico, Roricus, Rorigus, Rorigo, Rorigius, Rorigus*. По старой норманистской традиции она дает совершенно

надуманную этимологию этих имен от гот. *raus* и др.-исл. *reyrr* («тростник») [55, I. 191a]. А. Хольдер приводит формы *Ruricius, Ruricio, Roricus*, известные до VII в. [53, 1248 – 1249].

П. Калыгин и А. А. Королев, в генеалогии ирландских королевских династий часто встречаются такие имена, как *Rúad, Flann, Derg* (все со значением «красный») – как в виде самостоятельных единиц, так и в составе двучленных композитов (*Rúadchind, Rúadgal*). Имелось и двусоставное имя *Rúadri* (букв.: «красно-король»). Среди континентальных кельтов Галлии бытовали имена *Roudus* («краснейший»), *Anderoudus* («наикраснейший») и *Ambiroadacus* (букв. «со всех сторон красный») [14, с. 43; 51, р. 134]. Один из эпитетов верховного бога Дагды – *Ruadh Rofhessa* («красный наимудрейший») [7, с. 175, 235]. Таким образом, вопреки мнению Томсена и его последователей, имя *Rouderix* (Родерик, Родрик, исп. Родриго) – не германского, а кельтского происхождения. Его источник – кельтское *Rúadri(c)* («красный король»).

Во-вторых, выведение имени Рюрик (*Ruricus/Ruiri*) из *Rouderix* лингвистически и семантически некорректно. Как объяснить в таком случае выпадение корневого согласного ‘d’? Оба имени – двучленные композиты, но построенные по разным словообразовательным схемам. Различна и семантика этих имен. В кельтской политической лексике существует прямое соответствие имени Рюрик. В древнеирландской политической иерархии *ruiri* («большой король») – средняя ступень между просто *ri* (главой туата) и *ard-ri* («верховным королем»). Ставший личным именем термин *ruiri/rori* образован от слова *ri* («король») плюс усилительная приставка *ro* [14, с. 35 – 36]. То есть Рюрик/Рорик – «большой король», среднее звено кельтской управленческой структуры. В то время как значение кельтского имени *Rouderix/Rúadri(c)* – «красный король».

В кельтском словопроизводстве, столь щедром на превосходные и сравнительные степени, встречается и термин *Ardrúiri* – «верховный большой король». Так обращались только применительно к христианскому богу. Например, в стихах ирландской королевы Гормлайт (X в.): «*A Ardrúire an bheatha bhuaín*» («О Верховный большой король жизни вечной») [42, с. 79]. На раннесредневековых ирландских миниатюрах Христа так и изображали – в виде кельтского рикса.

Таким образом, кельтское происхождение имени Рюрик можно считать твердо установленным. Что касается скандинавского *Hrørikr*, то, скорее всего, это такое же заимствование из кельтского, как и *Hakun/Hakon* –

с появлением характерного для германских языков придыхательного *h*. К слову сказать, даже такой твердый приверженец норманизма, как Ф. А. Браун, отмечал, что скандинавский эпос (в частности, Старшая Эдда) имеет «свой особый именовослов, который содержит в себе много элементов, совершенно неизвестных скандинавскому обиходу» [1, с. 365].

Неоднократные попытки выдать Рюрика, Синеуса и Трувора за скандинавские имена приводили лишь к натянутым и шатким антропонимическим параллелям. Достаточно сравнить их славянские, кельтские и скандинавские формы, чтобы понять, откуда могли появиться эти «варяжские гости».

Славянские кельтские скандинавские
Рюрик *Ruiri(c)* [Рюйрик] *Hrørikr* [Хрëрикp]
Синеус *Sinaeus* [Синэус] *Signjótr* [Сигниотр]
Трувор *Trouveur* [Трувэр] *Þórvarðr* [Торвардр]
Очевидно, что славянская огласовка фонетически совпадает с кельтскими формами и весьма далеко отстоит от предложенных норманистами скандинавских вариантов.¹³

Простая арифметика

Таким образом, из девяти известных по источникам варяжских имен пять имеют бесспорно кельтскую этимологию (Якун, Рюрик, Синеус, Трувор, Фрианд), одно – неясного происхождения (Ждеберн), а три (Африкан, Шимон и Георгий) принадлежат христианской традиции. При этом ономастика, родственная варяжским антропонимам, присутствует в юго-восточной Прибалтике. Именно там и следует искать местообитание этой этнической группы, которая, как и дунайско-черноморская русь, была кельтского происхождения. Общность этнической принадлежности способствовала тесному сотрудничеству этих групп, с конца X в. неоднократно осуществлявших совместные военные акции. Кельтские имена мифического Рюрика с братьями наводят на мысль, что авторами-сочинителями варяжской версии возникновения древнерусской государственности были сами варяги, кельтские выходцы из Восточной Прибалтики. Вполне естественно, что приписав своему этносу основание русского государства, они дали его «основоположникам» привычные для кельтов имена. Позднее, в XVII в. по их пути пошли шведы, которые стали авторами новой фальшивки – шведской (норманнской) теории возникновения древнерусской

¹³ Е. Пчелов, называя кельтскую гипотезу А. Кузьмина «одиноким эпизодом», интересным, но бездоказательным, вменяет ему, что Кузьмин не показал, как происходят те или иные «лингвистические превращения» [34, с. 109]. Однако в отношении славянских отражений кельтских имен это излишне – никаких «превращений» здесь доказывать не надо: их нет. Рюрик и Синеус – точное фонетическое соответствие кельтским именам *Ruiri(c)* и *Sinaeus*. Кельтское название племени гелветов *eluveitie* [элувити] по-славянски Еловит, имена *Veremund* – Веремуд, *Tudor* – Тудор, *Ibar*

– Ивар/Ивор, *Voapp* – Боян и т. д. Доказывать «превращения», проявляя чудеса лингвистической изобретательности, приходится из скандинавских языков, а не из кельтских. При этом, какими лингвистическими законами можно объяснить русское название шведского Стокгольма – *Стекольный* или кельтской Линдониссы – *Леденец* или тюркской Сары-Су – *Царица*? Норманисты переоценивают роль «лингвистических законов» при передаче иностранных имен в языке. Она часто происходит по звуко-смысловой ассоциации.

государственности. С этих пор начались поиски «скандинавских следов» на Руси и попытки выдать кельтские имена за скандинавские.

Завершая обзор варяжских имен, следует обратить внимание на те источники, из которых они известны. Пять имен известны по Сказанию о Печерской церкви владимирского епископа Симона (в составе Патерика, XV в.). Одно из них (Якун) имеется также в Начальной летописи (нач. XII в., первые списки кон. XIV в.). Ростовский тысяцкий Георгий (без указания на его варяжское происхождение) упоминается в Ипатьевской летописи под 1130 г. Ждъберн известен из Проложных Житий и Особого Жития князя Владимира (кон. XV – XVII вв.). Самое раннее сообщение о Рюрике, Синеусе и Труворе фиксируется в русских известиях «Летописца вскоре» патриарха Никифора в составе Новгородской Кормчей (не ранее 1280 г.). Из этого следует, что *варяжских имен в русских летописях не было*. Все они, за исключением варяжского князя Якуна, содержатся во внелетописных источниках позднего происхождения (кон. XIII – XV вв.). При этом только троих можно отнести к реальным персонажам русской истории. Все трое – представители одной княжеской семьи: наемник новгородского князя Ярослава Владимировича варяжский князь Якун, его племянник Шимон и сын Шимона, обрусевший варяг Георгий Шимонович. Только три известных по именам деятеля-варяга – на весь домонгольский период! И никакого «значительного варяжского окружения», никакой «сотни имен». Таков бесславный конец «варяжской легенды».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Браун Ф. А. Фрианд и Шимон, сыновья варяжского князя Африкана // Известия отдела по русскому языку и словесности. Т. 7. Кн. 2. СПб., 1902. [Braun FA Friand i Shimon, synov'ya varyazhskogo knyazya Afrikana. Izvestiya otdela po russkomu yazyku i slovesnosti V. 7. (2). Saint-Petersburg, 1902. (In Russ).]
2. Воскресенская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 7. М., 2001. [Voskresenskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. V. 7. Moscow, 2001. (In Russ).]
3. Ганшина К. А. Французско-русский словарь. М.: Русский язык, 1987. [Ganshina KA Francuzsko-russkij slovar'. Moscow: Russkij yazyk, 1987. (In Russ).]
4. Геденов С. А. Варяги и Русь. М.: Русская панорама, 2004. [Gedeonov SA Varyagi i Rus'. Moscow: Russkaya panorama, 2004. (In Russ).]
5. Гиляров Ф. Предания русской начальной летописи. М., 1878. [Gilyarov F Predaniya russkoj nachal'noj letopisi. Moscow, 1878. (In Russ).]
6. Грот Л. П. О летописном имени Акун/Якун // Исторический формат. 2015. № 1. [Grot LP O letopisnom imeni Akun/Yakun // Istoricheskiy format. 2015. № 1. (In Russ).]

7. Гюйонварх К.-Ж., Леру Ф. Кельтская цивилизация. СПб., 2001. [Gujonvarx K.-Zh, Leru F Kel'tskaya civilizaciya. Saint-Petersburg, 2001. (In Russ).]

8. Забелин И. Е. История русской жизни. В 2 т. Т. 1. Минск, 2008. [Zabelin IE Istoriya russkoj zhizni. V. 1. Minsk, 2008. (In Russ).]

9. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1991. [Zelenin DK Vostochnoslavjanskaya e'tnografiya. Moscow: Nauka, 1991. (In Russ).]

10. Иловайский Д. И. Разыскания о начале Руси. Вместо введения в русскую историю. М., 2015. [Ilovajskij DI Razy'skaniya o nachale Rusi. Vmesto vvedeniya v russkuyu istoriyu. Moscow, 2015. (In Russ).]

11. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. [Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. V. 2. Moscow, 1998. (In Russ).]

12. Исаченко А. В. К вопросу об ирландской миссии у паннонских и моравских славян // Вопросы славянского языкознания. Вып. 7. М., 1963. [Isachenko AV K voprosu ob irlandskoj missii u pannonskix i moravskix slavyan // Voprosy slavyanskogo yazykoznanija. Vyp. 7. Moscow, 1963. (In Russ).]

13. Калыгин В. П. Язык древнейшей ирландской поэзии. М., 1986. [Kalygin VP Yazyk drevnejshej irlandskoj poezii. Moscow, 1986. (In Russ).]

14. Калыгин В. П., Королев А. А. Введение в кельтскую филологию. М., 2006. [Kalygin VP, Korolev AA Vvedenie v kel'tskuyu filologiyu. Moscow, 2006. (In Russ).]

15. Карпов А. Ю. Ждъберн // Портал Слово. [Karpov AYu Zhbern // Portal Slovo. URL: <http://www.portal-slovo.ru/history/44743.php>. (In Russ).]

16. Киево-Печерский патерик // Памятники литературы Древней Руси: XII в. М., 1980. [Kievo-Pecherskij paterik // Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: XII v. Moscow, 1980. (In Russ).]

17. Костомаров Н. И. Начало Руси // Современник. 1860. № 1. [Kostomarov NI Nachalo Rusi // Sovremennik. 1860. № 1. (In Russ).]

18. Костомаров Н. И. Ответ на возражения г. Погодина. Публичный диспут 19 марта 1860 г. о начале Руси между гг. Погодиным и Костомаровым // Современник. 1860. № 3. [Kostomarov NI Otvet na vozrazheniya g. Pogodina. Publichny'j disput 19 marta 1860 g. o nachale Rusi mezhdz gg. Pogodiny'm i Kostomarovy'm // Sovremennik. 1860. № 3. (In Russ).]

19. Кузьмин А. Г. Об этнической природе варягов // Геденов С. А. Варяги и Русь. М.: Русская панорама, 2004. [Kuz'min AG Ob e'tnicheskoy prirode varyagov // Gedeonov SA Varyagi i Rus'. Moscow: Russkaya panorama, 2004. (In Russ).]

20. Кузьмин А. Г. Тайны рождения русского народа // Изгнание норманнов из русской истории. М.: Русская панорама, 2010. [Kuz'min AG Tajny rozhdeniya russkogo naroda // Izgnanie normannov iz

- russkoj istorii. Moscow: Russkaya panorama, 2010. (In Russ.)]
21. Куник А. А. Русский источник о походе 1043 года. СПб., 1870. [Kunik AA Russkij istochnik o pohoде 1043 goda. Saint-Petersburg, 1870. (In Russ.)]
22. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Т. 1. М., 1997. [Lavrent'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. V. 1. Moscow, 1997. (In Russ.)]
23. Льюис Г., Педерсен Х. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков. М., 1954. [L'yu'is G, Pedersen X Kratkaya sravnitel'naya grammatika kel'tskix yazykov. Moscow, 1954. (In Russ.)]
24. Мачинский А. Д. Кельты на землях к востоку от Карпат // Кельты и кельтские языки. М.: Наука, 1974. [Machinskij AD Kel'ty' na zemlyax k vostoku ot Karpat // Kel'ty' i kel'tskie yazyki. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ.)]
25. Мельникова Е. А. Скандинавские антропонимы в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1994. [Mel'nikova EA Skandinavskie antroponimy v Drevnej Rusi // Vostochnaya Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Moscow, 1994. (In Russ.)]
26. Милютенко Н. И. Святой равноапостольный князь Владимир и крещение Руси. Древнейшие письменные источники. СПб., 2008. [Milyutenko NI Svyatoj ravnoapostol'nyj knyaz' Vladimir i kreshhenie Rusi. Drevnejshie pis'menny'e istochniki. Saint-Petersburg, 2008. (In Russ.)]
27. Молчанов А. А. Древнескандинавский антропонимический элемент в династической традиции рода Рюриковичей // Образование древнерусского государства. Спорные проблемы. М., 1992. [Molchanov AA Drevneskandinavskij antroponimicheskij element v dinasticheskoj tradicii roda Ryurikovichej // Obrazovanie drevnerusskogo gosudarstva. Sporny'e problemy. Moscow, 1992. (In Russ.)]
28. Нерознак В. П. Палеобалканские и кельтские ономастические параллели // Кельты и кельтские языки. М.: Наука, 1974. [Neroznak VP Paleobalkanskie i kel'tskie onomasticheskie paralleli // Kel'ty' i kel'tskie yazyki. Moscow: Nauka, 1974. (In Russ.)]
29. Никифора патриарха Цесаряграда летописецъ въскоре / Тихомиров М. Н. Забытые и неизвестные произведения русской письменности // Археографический Ежегодник за 1960 г. М., 1962. [Nikifora patriarxa Cesaryagrada letopisecz' vskore / Tixomirov M. N. Zabyty'e i neizvestny'e proizvedeniya russkoj pis'mennosti // Arheograficheskij Ezhegodnik za 1960 g. Moscow, 1962. (In Russ.)]
30. Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. 9. М., 2000. [Nikonovskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. V. 9. Moscow, 2000. (In Russ.)]
31. Новгородская Первая летопись старшего и младшего извода // ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. [Novgorodskaya Pervaya letopis' starshego i mladshego izvoda // Polnoe sobranie russkix letopisej. V. 3. Moscow, 2000. (In Russ.)]
32. Одяков В. Ф. Варяги князя Владимира Святославича: откуда они? // Древнерусское духовное наследие в Сибири. Научное изучение памятников традиционной русской книжности на востоке России (1965—2005). Новосибирск, 2008. [Odyakov VF Varyagi knyaza Vladimira Svyatoslavicha: otкуда oni? // Drevnerusskoe duhovnoe nasledie v Sibiri. Nauchnoe izuchenie pamyatnikov tradicionnoj russkoj knizhnosti na vostoке Rossii (1965—2005). Novosibirsk, 2008. (In Russ.)]
33. Пауэлл Т. Кельты. Воины и маги. М., 2012. [Pau'e'll T. Kel'ty'. Voiny' i magi. Moscow, 2012. (In Russ.)]
34. Пчелов Е. В. Рюрик. М., 2012. [Pchelov EV Ryurik. Moscow, 2012. (In Russ.)]
35. Радзивиловская летопись // ПСРЛ. Т. 38. Л.: Наука, 1989. [Radzivilovskaya letopis' // Polnoe sobranie russkix letopisej. V. 38. Leningrad: Nauka, 1989. (In Russ.)]
36. Романчук А. А. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны // Вестник КИГИТ. 2013. Вып. 6 (36). [Romanchuk AA Varyago-russkij vopros v sovremennoj diskussii: vzglyad so storony' // Vestnik KIGIT. Izhevsk, 2013. Vyp. 6 (36). (In Russ.)]
37. Рылюк Г. Я. Истоки географических названий Беларуси (с основами общей топонимики). Минск, 1997. [Ry'lyuk GYa Istoki geograficheskix nazvanij Belarusi (s osnovami obshhej toponimiki). Minsk, 1997. (In Russ.)]
38. Седов В. В. Славяне. Историко-археологическое исследование. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Sedov VV Slavyane. Istoriko-arheologicheskoe issledovanie. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. (In Russ.)]
39. Скляренко В. Г. Русь і варяги: Історико-етимологічне дослідження. Київ, 2006. [Sklyarenko VG Rus' i varyagi: Istoriko-etimologichne doslidzhennya. Kiev, 2006. (In Ukrainian.)]
40. Тихомиров М. Н. Исследование о Русской Правде. М.; Л., 1941. [Tixomirov MN Issledovanie o Russkoj Pravde. Moscow; Leningrad, 1941. (In Russ.)]
41. Томсен В. Начало русского государства. М., 1891. [Tomsen V Nachalo russkogo gosudarstva. Moscow, 1891. (In Russ.)]
42. Уэльс: Хроники бриттов. Книга сказаний / Пер. с англ., сост. и комм. С. Шабалова. М.; СПб.: Летний сад, 2005. [Ue'l's: Xroniki brittov. Kniga skazanij / Sostavitel' S. Shabalov. Moscow, Saint-Petersburg: 2005. (In Russ.)]
43. Федотова П. И. «Варяжская русь» как псевдопроблема российской историографии // Свободная мысль. 2018. № 3. [Fedotova PI «Varyazhskaya rus'» kak psevdoproblema rossijskoj istoriografii // Svobodnaya my'sl'. 2018. № 3. (In Russ.)]
44. Федотова П. И. Варяжский миф русской истории // Экономический вектор. 2016. № 2.

- [Fedotova PI Varyazhskij mif russkoj istorii // E`konomicheskij vektor. 2016. № 2. (In Russ).]
45. Циммерлинг А. В. Имена варяжских послов в «Повести временных лет» // V круглый стол. Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе 13 – 14 июня 2012. [Cimmerling AV Imena varyazhskix poslov v «Povesti vremenny`x let» // V krugly`j stol. Drevnyaya Rus` i germanskij mir v filologicheskoj i istoricheskoj perspektive 13 – 14 iyunya 2012. (In Russ).]
46. Шайтан М. Ирландские эмигранты в средние века // Средневековой быт. Л.: Время, 1925. [Shajtan M. Irlandskie e`migranty` v srednie veka // Srednevekovoj byt. Leningrad: Vremya, 1925. (In Russ).]
47. Шахматов А. А. Жития князя Владимира: Текстологическое исследование древнерусских источников XI – XVI вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. [Shaxmatov A. A. Zhitiya knyazya Vladimira: Tekstologicheskoe issledovanie drevnerusskix istochnikov XI – XVI vv. Saint-Petersburg: Dmitrij Bulanin, 2014. (In Russ).]
48. Шахматов А. А. К вопросу о древнейших славяно-кельтских отношениях. Казань, 1912. [Shaxmatov A. A. K voprosu o drevnejshix slavyano-ke`tskix otnosheniyax. Kazan`, 1912. (In Russ).]
49. Шахматов А. А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Шахматов А. А. История русского летописания. Т. 1. Кн. 2. СПб.: Наука, 2003. [Shaxmatov A. A. Korsunskaya legenda o kreshhenii Vladimira // Shaxmatov A. A. Istoriya russkogo letopisaniya. V. 1. 2. Saint-Petersburg: Nauka, 2003. (In Russ).]
50. Caesar. De bello Gallicum. VI, 4, 44; VII, 1.
51. Evans D. E. Gaulish personal names. Oxford, 1967.
52. Holder A. Altceltischer Sprachschatz. I. Leipzig, 1896.
53. Holder A. Altceltischer Sprachschatz. II. Leipzig, 1904.
54. Krahe H. Lexicon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
55. Morlet M.-Th. Les noms de personne sur le territoire de l'ancienne Gaule du VI-e au XII siècle.1. Paris, 1968.
56. Ptol. Geogr. II, 10. 8.
57. Африкан. Википедия. Материал из Свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Африкан>.
58. Святой Африкан. Православный календарь // Сайт Православие.ру. URL: <http://days.pravoslavie.ru/ABC/ma.htm#afrikan>.
59. Фрианде. Википедия. Материал из свободной энциклопедии. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Фрианде>.
60. Харальд Маддадссон. Википедия. Материал из Свободной энциклопедии. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Харальд_Маддадссон.
61. Acunum / URL: <https://de.wikisource.org/wiki/RE:Acunum>.
62. Anconne / URL: <https://de.wikisource.org/wiki/RE:Anconne>.